

народности следует называть неситским в соответствии со словоупотреблением самих хеттов. Неситским же можно называть и язык ассимилировавшихся впоследствии древних индоевропейских племен Малой Азии (будь то пришлых или коренных), поскольку это в принципе тот же язык, который мы позже застаем у хеттской народности.

За наименованием «хаттский язык» сохраняется его значение, в котором его употребляли хетты и в котором он часто употреблялся в хеттологии, как более точное название для так называемого «протохеттского языка».

Наконец, термины «неситский» и «хаттский», принятые вслед за древним их применением для обозначения языков, мы можем условно перенести и на соответственные племена, имея в виду, в особенности для неситских племен, исключительно период, предшествовавший образованию хеттской народности, поскольку потом неситы как племя были ассимилированы.

Подводя итог всему сказанному, нельзя не прийти к заключению, что опубликование перевода рецензируемой книги принесет советскому читателю несомненную пользу. Он также оценит высокое качество перевода и обстоятельность предпосланной переводу чрезвычайно интересной вступительной статьи, освещающей ряд важных и актуальных вопросов языка и истории хеттов.

Остается только пожелать, чтобы вторая часть книги Фридриха, представляющая собой сборник разнообразных хеттских текстов, снабженных историческими реальными и лингвистическими комментариями и ценными указателями, увидела свет как можно скорее.

И. Дунаевская

The Journal of Juristic Papyrology (Rocznik papirologii Prawniczej), edited by R. Taubenschlag and G. Manteuffel, t. I, New-York, 1945; t. II, Warsaw, 1948; t. III, Warsaw, 1949; t. IV, Warsaw, 1950; t. V, Warsaw, 1951.

Рецензируемый журнал — международный папирологический орган, издающийся в Варшаве профессорами Варшавского университета Р. Таубеншлагом¹ и Е. Мантейффелем².

В журнале принимают участие крупнейшие буржуазные папирологи (Шубарт, Белл, Венгер, Вестерман и др.), а также ряд польских папирологов, в основном представителей младшего поколения, учеников Р. Таубеншлага, ныне возглавляющего возрожденную польскую папирологию.

Статьи публикуются на английском, немецком, французском и латинском языках. На последнем издано несколько работ польских ученых. Первый том был издан в США, куда Р. Таубеншлаг бежал в связи с оккупацией Польши гитлеровскими фашистами. Начиная с 1948 г., журнал издается Варшавским обществом наук и словесности при финансовой поддержке Министерства высшего образования и науки Польши.

Название журнала значительно уже его содержания. Не говоря уже о четвертом томе, посвященном памяти французского папиролога П. Жуге и содержащем статьи на самые различные темы, в журнале можно найти работы, не имеющие ничего общего с юридической папирологией (статьи о древневавилонском законодательстве и т. д.). Поэтому вполне обоснованным было намерение, высказанное редакторами во втором томе, переименовать журнал в «The Journal of Papyrology».

¹ Обширная библиография трудов Р. Таубеншлага до 1944 г. дава в приложении к I тому его капитального труда «The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri. 332 B.C.—640 A.D.». См. рецензии на I том в ВДИ, 1948, № 2, стр. 110—116, и на II том в ВДИ, 1952, № 4, стр. 108—115.

² Е. Мантейффель — автор руководства по папирологии: F. S m o l k a, J. M a n t e u f f e l, Papirologia, Lwów, 1933; в 1950 г. он издал популярную работу «Ze świata papirusów. Obrazki z życia w Egipcie hellenistycznym».

Журнал выходит раз в год. Каждый том состоит из статей, публикаций источников и кратких обзоров литературы и вновь открытых папирусов. Содержание журнала очень разнообразно; в нем встречаются большие статьи, носящие чуть ли не монографический характер (статьи Вестермана, Вюрстле), но большинство статей посвящено либо частным вопросам (уточнению тех или иных терминов, публикации или интерпретации отдельных папирусов), либо носит справочный характер, суммируя все известные в литературе сведения и источники, относящиеся к тому или иному вопросу (ряд статей Р. Таубеншлага, статья Моджеевского о *простауца* и др.). В журнале пока еще не встречается статей методологического характера, посвященных положению непосредственных производителей, исследующих отражение базисных явлений в надстройке и активную роль надстройки. Правда, ряд статей представляет собой попытку дать целостную картину, охватывающую иногда довольно значительный исторический период, или разрешить спорные вопросы современной папирологии. Насколько это удалось авторам, будет рассмотрено ниже.

Издание международного папирологического журнала и организация Папирологического института в Варшаве являются крупным достижением польской исторической науки и свидетельствуют об исключительной поддержке, которую оказывает научным начинаниям польских историков правительство народно-демократической Польши. В этой связи следует также отметить неутомимую энергию и разностороннюю деятельность Р. Таубеншлага, сумевшего объединить значительные научные силы.

Но объединение папирологических сил вокруг молодого журнала является лишь первым этапом, начальной стадией творческого пути польской папирологии. Перед журналом стоит почетная задача стать передовым органом современной папирологии, внедряющим в эту область исторических исследований передовую марксистскую методологию.

Польская историческая наука находится в настоящее время в стадии коренной перестройки своей работы¹ и перехода на пути единственно правильной и творчески плодотворной марксистско-ленинской методологии.

Эта перестройка, ярко выявившаяся на конференции польских историков в Отвоцке (декабрь 1951—январь 1952), затронула все отрасли польской исторической науки, включая и историю античности². Она сказывается не только в структурно-организационных изменениях в работе польских научных учреждений, но и в изменении облика научной периодики. Чувствуется планомерно направляющая работа редакций, меняется тематика статей, появляется глубокий интерес к вопросам теории и методологии, уделяется особое внимание изучению положения трудящихся масс, классовой борьбы и т. д.

К сожалению, следует сказать, что эта перестройка еще не ощущается в рецензируемом журнале. Публикуемые в нем статьи, в основном весьма тщательные и скрупулезные, свидетельствующие о высокой профессиональной квалификации авторов, написаны с позиций буржуазной историографии. Это отставание журнала от общего уровня польской историографии объясняется, как нам кажется, рядом причин. Во-первых, большинство сотрудников журнала — это историки капиталистических стран, воспитанные в традициях буржуазной исторической школы и продолжающие находиться во власти идеалистической буржуазной методологии. Во-вторых, самому Р. Таубеншлаго еще не удалось преодолеть формально-юридический метод исследования, блестяще примененный им в своих многочисленных работах, но не могущий удовлет-

¹ П. Н. Третьяков, Конференция польских историков, ВАН СССР, 1952, № 6, стр. 81—86; Е. А. Косминский, На конференции польских историков, ИАН СИФ, т. IX, 1952, № 3, стр. 273—279; Б. Д. Греков, Польская наука на подъеме, «Наука и жизнь», 1952, № 8, стр. 39—41.

² К. Маевский, Польская археологическая наука за последнее время, ВДИ, 1952, № 4, стр. 92—103; И. Бежуньская-Маловист, Работы польских ученых по древней истории (1949—1952), ВДИ, 1953, № 1, стр. 124—131.

ворить требованиям научной методологии. Наконец, следует отметить, что рецензируемые томы в основном относятся к периоду, предшествующему перестройке польской науки: последний том вышел в 1951 г., но был, повидимому, подготовлен к печати гораздо раньше.

В нашу задачу не входит подробное рассмотрение всех без исключения статей. Поэтому мы остановимся лишь на тех статьях, которые по тем или иным соображениям представляют более значительный интерес для советского читателя.

В этом плане интересна статья Вестермана о *παράμωγῃ*. Контракты *παράμωγῃ* — это, по существу, контракты закабаления, весьма сходного с рабским, представляющие собой одну из специфических особенностей социально-экономического развития Востока. Следуя формально-юридическому принципу, Вестерман изолирует изучение этого явления от социально-экономических условий, ищет формальные параллели, чрезмерно преувеличивая сходство между формулами дельфийских манумиссий и египетских контрактов, в которых мы преимущественно имеем дело не с вольноотпущенниками, а со свободными гражданами, т. е. с явлением совершенно иного порядка. Это увлечение сравнительно-формальным методом приводит автора даже к сравнению *παράμωγῃ* с формами зависимости, господствовавшими на юге США во время так называемой *share-cropping system*. Подобные антиисторические параллели не помогают, конечно, вскрыть специфику и конкретную сущность изучаемого явления.

Между тем подробный анализ имеющихся источников (Вестерман насчитывает 59 упоминаний контрактов этого типа) дает основание предполагать, что контракты *παράμωγῃ* заключались свободными людьми в силу чрезвычайной нужды на исключительно невыгодных условиях. Основная особенность такого типа контракта заключалась в том, что работник продавал себя как живую силу целиком, поскольку не оговаривались ни вид работы, ни ее количество. Срок работы мог совсем не указываться (BGU, IV, 1153; PSI, X, 1120; P. Oxf. 10; PC, 67023) или варьировать (BGU, VI, 1258—11 месяцев; PSI, V, 549—99 лет, т. е. пожизненная кабала). Поскольку хозяин полностью и неограниченно располагал работником, последний терял свободу передвижения на время действия договора.

В случае, если работник не мог вернуть ту незначительную сумму, которую, как правило, он получал при заключении договора (*ἀρῦρίον, δάνειον, χρέις*, в византийское время *πρόχρεια*), контракт возобновлялся автоматически, что, конечно, было выгодно работодателю; повидимому, основным побудителем для заключения контракта являлась не одна материальная заинтересованность, а более глубокие причины.

Тяжелая зависимость, в которую попадал заключивший контракт, подтверждает-ся и тем, что соглашения по поводу отдаваемых в аренду рабов, повинности, налагаемые на свободных за невыполнение взятых на себя трудовых обязательств, принудительный труд в государственных монополиях и на общественных работах обычно оформлялись в виде *παράμωγῃ*; освобождение от *παράμωγῃ* оформлялось специальным актом *ἀπόλυσις*.

Собрав исчерпывающий материал, относящийся к теме исследования, Вестерман, крупный специалист по истории рабства¹, не пытается выяснить его значение и место в системе общественных отношений рабовладельческого Египта. Граничивая себя формально-юридическим анализом, Вестерман еще раз подтвердил беспомощность буржуазной науки правильно решать вопросы социально-экономической истории даже тогда, когда она располагает всеми необходимыми для этого данными.

О такой же методологической несостоятельности говорит статья Уэллеса в третьем томе журнала «Администрация Птолемея в Египте» — очередная неудачная попытка буржуазной историографии выяснить сущность и историческую роль эллинизма в Египте. После краткого разбора высказываний Вилькена, Прео и Ростовцева автор излагает свою концепцию эллинизма в Египте, проявляя при этом непонимание

¹ W. L. Westermann, *Sklaverei*, RE, Supplb. VI; он же, *Upon Slavery in Ptolemaic Egypt*, N.-Y., 1929.

хода исторического развития Египта вообще и периода фараонов — в частности. Уэллес считает, что государственный опыт древнего Египта и введенные фараонами методы управления не отличаются особенно от административных систем последующих правителей вплоть до XIX в., поскольку, по его мнению, «египетская экономика не очень изменилась со времен античности» (III, стр. 25). Подобная статическая интерпретация истории Египта ассоциируется у Уэллеса с признанием существования в Египте времен фараонов «феодальной аристократии» в номах (особенно после XIX—XX династий, стр. 30) и разбухшей бюрократии, стремящейся превратиться в буржуазию (1), против которых выступают «покровительствующие народу» фараоны, а позже Птолемеи (стр. 36).

Отмечая отдельные изменения, внесенные Птолемеями, и то, что автор обозначает расплывчатым термином «rationalization of Kingship» (стр. 37), Уэллес все же считает, что Птолемеи лишь приспособили Египет к потребностям македонского контроля и греческого денежного хозяйства, создав на основе достижений греческой политической мысли свою государственную философию, которую автор, правда, робко, определяет как «государственный социализм» (?) (стр. 47). Весьма показательно и то, что, приводя мнение Гекатея об осуществлении в Египте идеального государства философов, Уэллес, со своей стороны, отмечает, что Гекатей был недалек от истины (стр. 40).

Итак, вместо того чтобы вскрыть прогрессивную в свое время сущность эллинизма и специфические особенности эллинизма в Египте, где «возникшее в результате потребности в создании более широких экономических связей между странами Восточного Средиземноморья» государство Птолемеев «не было простым продолжением монархии фараонов»¹, Уэллес, смешав воедино несуществующие феодальную аристократию, бюрократию, превращающуюся в буржуазию, и какой-то им сконструированный «государственный социализм», нарисовал антиисторическую картину эллинизма.

В корне искажает историю Египта статья А. Ч. Джонсона «Римский Египет в III веке»². Общеизвестно, что собой представлял III век в истории римской империи, также то, что Египет отнюдь не являлся исключением в этот период тяжелого кризиса рабовладельческого строя. Тем не менее Джонсон считает, что «Египет не разделил несчастную судьбу империи» (IV, стр. 158) и что в третьей четверти века видим даже «прямые доказательства процветания» (IV, стр. 154), совершенно не принимая во внимание чрезвычайное ожесточение народного недовольства, приводившее к тому, что Египет не раз присоединялся к соперникам императоров и выдвигал Музия Эмилиана против Галлисена, Фирма против Аврелиана, Ахилла против Диоклетяна.

Правда, по сравнению с предшествующим веком сохранилось меньше папирусов, свидетельствующих о бегстве крестьян и оставлении ими земли, но картина, наблюдаемая в пограничных районах, в Охсирийском номе, эдикт Каракаллы (P. Giss. 40, II), в котором ясно говорится о «крестьянах, бежавших из других мест», участвовавшая именно в III в. практика *ἐκστασις ἀντίδοσις*, признание самим префектом Египта всеобщего упадка городов³ ясно говорят не о процветании, а об обнищании Египта.

Общеизвестно также непрерывное снижение курса денег в III в., приведшее в конце века к неслыханной в античности инфляции, к полному расстройству денежного обращения. Джонсон, являющийся специалистом в этой области⁴, хорошо знает,

¹ А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 184.

² См. рецензию покойного А. Б. Р а н о в и ч а на его работу «Roman Egypt to the Reign of Diocletian», в ВДИ, 1938, № 4 (5), стр. 225 сл., и нашу рецензию на книгу А. С. J o h n s o n and L. C. W e s t, Byzantine Egypt, в ВДИ, 1952, № 2, стр. 195—200 а.

³ T. C. S k e a t and E. P. W e g e n e r, A trial before the Prefect of Egypt Appius Sabinus c. 250 A. D., JEA, XXI (1935), стр. 224—247. Цитирую по книге, А. Б. Р а н о в и ч, Восточные провинции Римской империи в I—III вв., М.—Л., 1949, стр. 202.

⁴ См. А. С. J o h n s o n and L. C. W e s t, Currency in Roman and Byzantin Egypt, Princeton, 1944.

как отражается инфляция на благосостоянии трудящихся, но, поскольку подобное признание уничтожило бы его концепцию, он предпочитает заметить, как бы мимоходом, что это трудно разрешимый вопрос (IV, стр. 156), и даже утверждает, что при инфляции «обычно происходит перераспределение богатства в пользу класса должников (!)» (стр. 157).

Статья Джонсона заслуживает особого внимания, так как Джонсон является в настоящее время признанным авторитетом в области социально-экономической истории Римской империи¹ и его взгляды усердно пропагандируются буржуазными учеными.

Не может не вызвать недоумения опубликование в журнале идеалистической статьи бельгийского профессора Жака Пиренна² «Египетская религия и греческая философия». Статья выдержана в плане отвергнутой марксистской наукой теории филиации идей, согласно которой развитие общественной мысли объясняется не условиями материальной жизни общества, а взаимозависимостью и преемственностью идей. Все развитие греческой философии объясняется степенью зависимости от египетской религии, причем автор категорически заявляет, что перед нами «не параллельные, а тождественные идеи» (IV, стр. 73) и что трудно даже разобраться, «идет ли речь о платонизме или о египетской морали» (стр. 75). Крупнейший философ-материалист Гераклит Эфесский, по мнению Пиренна, не смог освободиться от мистицизма, а потому может рассматриваться не столько как философ, сколько как пророк. Есть у Пиренна и открытое извращение материализма. Так, говоря о материалисте Пармениде, Пиренн заявляет, что материализм приводит к скептицизму, субъективизму и заводит науку в тупик, поскольку материалистическая наука «провозглашает невозможность познания истины» (?) (IV, стр. 69). Изобразив материализм в совершенно искаженном виде, Пиренн вообще связывает политическое крушение Афин с господством материалистического направления в греческой философии. Вряд ли можно найти в серьезном научном журнале более недобросовестное извращение греческой философии.

Значительная часть статей в журнале принадлежит перу Р. Таубеншлага. Некоторые из них представляют собой переработку отдельных разделов его капитального труда, — например «*Νόμος* в папирусах» (т. II), «Римские власти и местное право до и после *Constitutio Antoniniana*» (т. V) и др. Статья «Папирусы и пергамены из восточных провинций Римской империи, найденные вне пределов Египта» (т. III), дает подробное перечисление всех публикаций соответствующих источников и представляет большую справочную ценность.

В первой из перечисленных статей Р. Таубеншлаг разбирает применение термина *νόμος* в птолемеевское, римское и византийское время, подробно останавливаясь на замене термина *ὁ τῆς χώρας νόμος* термином *ὁ τῶν Αἰγυπτίων νόμος*, а также термина *πολιτικοῦ νόμου*, относящегося к автономным полисам, термином *ἀστικοῦ νόμου*, но не пытается объяснить причины этой эволюции.

Следующая статья Р. Таубеншлага посвящена изучению весьма важного вопроса о взаимоотношении римского и местного права. Основанная на исчерпывающем использовании источников, свидетельствующем об огромной эрудиции автора, она содержит ряд интересных наблюдений. Правда, многие из них уже известны из соответствующих разделов его большой книги. Р. Таубеншлаг устанавливает, что ни римское ни местное право, как и следовало ожидать, не действовали в строго разграниченных сферах. Ряд институтов римского права (*manumissio vindicta*, *cura minorum*, *ius liberorum*, *lex Julia vicessimaria*, *cessio bonorum* и др.) распространялся на местное население; с другой стороны, в какой-то мере подвергается местным влияниям и римское право. Местное законодательство применялось до эдикта Каракаллы в основ-

¹ P. R. Coleman-Norton, *Studies in Roman Economic and Social History in Honour of A. C. Johnson*, Princeton, 1952.

² Автор исследования: *Histoire des institutions et du droit privé de l'ancienne Égypte*, Bruxelles, t. I, 1932; t. II, 1934.

ном в области личного и семейного права, в вопросах, связанных со *status civitatis*, *emancipatio*, отказом от патроната, заключением браков, взаимной ответственностью членов семьи в имущественных делах, наследованием по завещанию, *ὁτάλλαγμα*, *opere novi nuntiatio*, ипотекой, с аннулированием соглашений о продаже и т. д.

Эдикт Каракаллы не упразднил местного права. Р. Таубеншлаг считает, вопреки твердо установленному мнению¹, что не все египтяне получили право гражданства и что местное право применялось, видимо, в тех же пределах, что и до издания эдикта.

В статье «Юридические меры ограждения интересов в папирусах» (гл. V) Р. Таубеншлаг разбирает различные мероприятия, проводимые властями в порядке предупреждения правонарушений или восстановления нарушенных прав, как секвестр, конфискация, арест, предупреждение актов насилия, приказы о возмещении и т. д. В этой работе, как и в остальных его статьях, на которых мы не будем останавливаться, чувствуется отрыв формально-юридического исследования от реальной исторической обстановки. Автору следовало уделить особое внимание расстановке классовых сил, вопросу о том, как эта расстановка отражается в законодательстве и главным образом в практическом осуществлении законов (ведь именно папирусы могут дать очень много ценного в этом отношении). Рассмотрение этих вопросов повысило бы научное значение статей.

Как известно, покойный чешский ученый Б. Грозный, впервые расшифровавший хеттскую письменность, в последнее время усиленно занимался критскими надписями и историей культурных связей между Критом, Передней Азией и Индией. Его заметка «Новая критская надпись из Пилоса...» (т. IV) является попыткой расшифровки и комментария важного исторического документа. Надпись представляет большой интерес, так как встречающиеся в ней шумеро-вавилонские и ханаанские собственные имена свидетельствуют о тесной культурной связи Крита не только с Пелопоннесом, но и с Двуречьем.

Интерес представляет также статья чешского ассириолога И. Климы «Некоторые замечания по поводу значения неюридических разделов древневавилонских судебных книг» (т. V), в которой он исследует введения и заключения кодексов Липит-Иштара и Хаммурапи. Отмечая сильною зависимость этих разделов судебного Хаммурапи от предшествующего ему законодательства, автор все же подчеркивает существенные отличия между этими двумя источниками, показывающие, как конкретно-историческая обстановка влияет на установившиеся традиционные формы изложения. Показателен в этой связи, например, пропуск в судебнике Хаммурапи того отрывка из введения к судебнику Липит-Иштара, в котором говорится об освобождении жителей страны от рабства. Хаммурапи заменил этот отрывок другим, прославляющим помощь, оказанную им народу. К сожалению, И. Клима не смог правильно оценить деятельность Хаммурапи и идеализирует его мероприятия.

Ю. Моджеевский в статье «*πρόσταγμα* в папирусах» (т. V) пытается установить значение этого термина во время Птолемеев и его эволюцию в римское и византийское время. Он приходит к выводу, что это был технический термин для обозначения царских распоряжений, принимавших обычно эпистолярную форму, а также приказов высших должностных лиц. В римское и византийское время им пользовались для обозначения императорских эдиктов и распоряжений правительственных чиновников. Напоминаю работу Р. Таубеншлага, посвященную изучению термина *Νόμος*, статья Ю. Моджеевского представляет большую справочную ценность, заключаая в себе обширный перечень сохранившихся *πρόσταγμα* (V, стр. 188—196), значительно дополняющий (около 45 новых папирусов) предыдущий перечень, составленный М. Ланже.

Статья «*Πράκτωρ ξενικῶν*» С. Плодзиена (т. V) — первое исследование, посвященное выяснению содержания функции этого магистрата. Термин *πράκτωρ* появляется в III в. до н. э., сначала без каких-либо определений; автор считает, что термин

¹ А. Б. Р а н о в и ч, Восточные провинции..., стр. 181; V. T s c h e r i k o v e r, Syntaxis and Laographia, JJP (1950), стр. 204.

заимствован из аттического права. С середины этого века встречаются выражения типа *πράκτωρ τῶν βασιλικῶν*, *πράκτωρ τῶν ιδιωτικῶν* и *πράκτωρ ξενικῶν*, что связано с учреждением суда хрематистов, исполнителями решений которого и были практоры. Первая категория практоров была связана с фискальными, а последние две категории с частными делами. К концу III в. первые две должности исчезают, что заставляет предполагать, что их функции были переданы *πράκτωρ ξενικῶν*. Должность практора сохранилась и в римское время с несколько ограниченными функциями. Попытка автора определить круг вопросов, подлежащих компетенции практора, все же нуждается, на наш взгляд, в дополнительном документальном обосновании.

Существует большая литература по поводу указа Птолемея Филадельфа о культе Диониса. Исследователи (Ростовцев, Рейценштейн, Кюмон, Фестюжьер, Вилькен, Руссель, Эйтрем, Тондрио) высказывали различные, взаимноисключающие друг друга мнения. Ф. Соколовский, возвращаясь к этому спорному вопросу (т. III), исходит из той предпосылки, что объяснение этого указа следует искать в утвердившейся в Греции практике, где культ Диониса являлся источником дохода для государства. В Милете и на Косе должности жрецов этого культа продавались. Соколовский приходит к выводу, что издание указа было вызвано исключительно финансовыми соображениями, стремлением Филадельфа увеличить свои доходы.

Польский филолог В. Стеффен посвящает свою статью сатире драме «Рыбаки» (*ἰχθυοῦλοί*) Эсхила (т. III). Разбирая сохранившиеся отрывки, автор предлагает свое чтение, устанавливает точки соприкосновения со «Следопытами» Софокла и пытается восстановить содержание пьесы.

Выделяется своим объемом (96 страниц) статья А. Вюрстле «K. P. Cair. Zen., III, 59355» (т. V). Статья состоит из перевода, комментария и тщательного исследования важного документа, представляющего значительный интерес. В процессе анализа папируса Вюрстле не только уточняет его содержание, но и делает (в этом сильная сторона статьи) ряд тонких наблюдений, расширяющих наши сведения о судопроизводстве во время Птолемеев. Придерживаясь господствующей точки зрения о зависимости эллинистического права от афинского, автор отмечает, что первое содержит ряд специфических моментов. В частности, несколько упрощено процессуальное право (V, стр. 51); александрийские диететы выступают не в виде предварительной, а в виде самостоятельной полномочной судебной инстанции и т. д. Статья выгодно отличается тщательной, интенсивной, но, к сожалению, чисто формальной обработкой источника.

Работа известного папиролога Г. Белла «Акты Александрийских мучеников» (т. IV) в какой-то мере примыкает к прежним его статьям, посвященным изучению конфликтов между египтянами и иудеями. Справедливо отмечая, что «иудеи послужили скорее предлогом, чем причиной, выступления александрийцев» (IV, стр. 20) и что в основном движение было направлено против римлян (стр. 42)¹, Белл все же не может дать удовлетворительного объяснения причин недовольства, так как он не принимает во внимание растущую эксплуатацию населения и классовые противоречия, а видит причины недовольства лишь в оскорбленном патриотизме и уязвленном самолюбии александрийцев.

Статья Н. Гольвейна «Euhemeria» (т. III) посвящена одному из фаюмских поселений и напоминает известную работу Белла², но богаче материалом и дает, насколько это позволяют источники, динамическую картину развития поселения и движения земель, часто менявших хозяев. Любопытна фигур Л. Беллиена Гемелла. Тезис автора о материальном благополучии населения неубедителен. Г. Шмидт в статье «Влияние риторики на оформление судебных решений» (т. IV) показывает на примере нескольких судебных дел влияние выступлений адвокатов на судебные решения.

¹ Этот взгляд отнюдь не новый. См. J. G. Milne, *A History of Egypt under Roman Rule*, L., 1898, стр. 29; V. Chapot, *L'Égypte romaine* в *Histoire de la nation égyptienne*, par G. Hanotaux, т. III, P., 1933, стр. 265.

² H. I. Bell, *An Egyptian Village in the Age of Justinian*, JHS, LXIV (1944).

А. Фукс в статье «Заметки об архиве Никанора» (т. V) восстанавливает на основании так называемого архива Никанора картину деятельности транспортной конторы, обслуживавшей в течение почти шестидесяти лет (6—62 гг.) торговые пути, связывающие Копт с Красным морем.

Рассмотренные нами выборочно статьи позволяют составить достаточно ясное представление о содержании, характере и установках журнала. Для полноты картины следует остановиться на публикации источников и отделе критики и библиографии.

Значительное место в журнале занимает публикация источников. Источники публикуются либо в виде отдельных статей (см. во II томе статьи А. Свидерек, И. Шимановской, в IV томе статьи А. Бока, Ж. Шварца, Заки Али, М. Швабе, А. Батай, В. Мартен, Аранджо-Руиз), либо компактно. Так, например, Е. Мантейффель издал ряд папирусов различного происхождения (т. II). Это мелкие литературные отрывки из Еврипида и Менаандра и несколько юридических документов. В III томе Е. Мантейффель опубликовал ряд текстов, добытых польско-французскими раскопками в Эдфу¹, во время которых был найден ряд папирусов, а также 140 греческих и 4 латинских острака. Привлекает внимание О. Е. 326, содержащий рефрен гимна в честь царя и являющийся, по мнению издателя, произведением народной литературы, засвидетельствованной еще во времена фараонов, но впервые обнаруженной в находках, относящихся к концу Птолемеев. Весьма своеобразен Р. Е. VIII конца III в. до н. э., в котором аполлинопольский клерух Филот просит аудиенцию у Птолемея с целью сообщить царю средство восстановления в 50-дневный срок урожайности пострадавшей от засухи Фиваиды.

О. Е. 360 (конец II в. до н. э.) подтверждает существование *τέλος χαρτῶν* и, таким образом, окончательно разрешает спорный вопрос о наличии в это время государственной монополии на продажу папируса.

Ряд публикуемых остраков (О. Е. 373, 374, 377, 381, 382) содержит материал, относящийся к налогу, который платили все иудеи, начиная с 3 и до 60 или 62 лет, включая женщин, вольноотпущенников и рабов.

Публикации этих остраков предпослана статья, в которой автор, сообщая краткие сведения об иудейском квартале в Аполлинополе (IV квартал), пытается выяснить род занятий иудеев и проследить движение населения.

В каждом томе публикуются подробные обзоры литературы и источников, автором которых является Р. Таубеншлаг. Материал систематизирован и охватывает как монографии, так и статьи. Очень сжатые обзоры кратко передают содержание работ, напоминая аннотации, но Р. Таубеншлаг выделяет всегда то новое и интересное, что имеется в каждой статье или публикуемом источнике.

Хотелось бы, чтобы в журнале помещались рецензии развернутого типа, которые давали бы всесторонний разбор и авторитетную оценку папирологической литературы, отмечая не только положительные моменты, но и недостатки рецензируемых работ.

В третьем томе помещен краткий обзор советской папирологической литературы. Обзор сделан добросовестно, учтены основные советские работы, но, к сожалению, рецензент не вскрыл то основное, что отличает советскую папирологию от буржуазной, — ее марксистско-ленинскую методологию.

В заключение хочется выразить пожелание, чтобы *The Journal of Juristic Papyrology* стал в самом ближайшем будущем боевым органом передовой папирологической науки, так как Польша располагает крупными научными силами в этой области.

И. Ф. Фихман

¹ Результаты раскопок опубликованы в книге: K. M i c h a ł o w s k i, Ch. D e s c r o c h e s, J. d e L i n a g e, J. M a n t e u f f e l, M. Z e j m o - Z e j m i s, Fouilles franco-polonaises, Rapport III, Tell-Edfou, 1939, Le Caire, 1950.